

исключающих уголовное преследование в отношении таких несовершеннолетних лиц. С одной стороны, в статье 26 Римского статута содержится положение, согласно которому лицо в возрасте моложе 18 лет не может быть привлечено к Суду. Однако учитывая комплементарный характер юрисдикции Суда, следует признать, что привлечение к ответственности «детей-солдат» остается в сфере национального правового регулирования. Как показывает практика, многие государства, например, Германия и Великобритания, пытаются смягчить режим ответственности в делах лиц, связанных с терроризмом, в возрасте от 18 до 21 года, и передают их в суды общей юрисдикции. Что касается африканских стран, которые практикуют вербовку детей для участия в вооруженных действиях, то они вводят специальный режим ответственности: в Либерии и Демократической Республике Конго все несовершеннолетние попали под амнистию; после войны в Руанде для рассмотрения дел «детей-солдат» были созданы отдельные палаты при военных трибуналах; «дети-солдаты» в Сьерра-Леоне отправлялись на реабилитацию, минуя уголовную юстицию.

Безусловно, основной проблемой, связанной с защитой детей в условиях борьбы с терроризмом, остается отсутствие норм международного права, которые бы рассматривали различные аспекты данного явления. Как видно из вышеизложенного, защита детей предусматривается только в рамках норм международного гуманитарного права и законодательства государств, что не всегда является достаточным. Терроризм уже давно признан «угрозой миру и безопасности человечеству» (в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН S/RES/1368 (2001)), что обуславливает необходимость совершенствования правового регулирования использования детей в совершении террористических актов, как на международном, так и на национальном уровнях, а также принятие Советом Безопасности специальных мер в соответствии с главой VII Устава ООН в отношении государств, допускающих вербовку несовершеннолетних террористическими группами на своей территории.

ДЕФИНИЦИЯ ПОПРАВОК К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ В СОВЕТСКОЙ ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Будник Я. В., Суд Евразийского экономического союза

Из представителей науки международного права СССР наибольшее внимание вопросам внесения поправок в международные договоры уделял А. Н. Талалаев.

В своих работах А. Н. Талалаев исследовал сущностные характеристики института поправок к международным договорам, его сходства и различия с изменениями *inter se* и пересмотром договора, практику внесения поправок.

А. Н. Талалаев определял поправки как формальные дополнения к международному договору, призванные изменить положения международного договора между всеми его участниками. Это, пожалуй, единственное определение исследуемого понятия в русскоязычной доктрине международного права.

Из приведенного определения можно заметить, что его автор выделяют два главных критерия поправок: механизм модификации договора (формальный) и предназначение, которое состоит в модификации договора для всех участников.

Отмечая характер поправок, советский исследователь использует прилагательное «формальный». Из множества значений этого слова наиболее подходящим в данном случае является следующее: относящийся к форме.

Практика внесения поправок наглядно показывает, что поправки к международным договорам всегда выражаются в модификации текста международного договора, иными словами текстовой формы выражения прав и обязательств договаривающихся сторон.

Второй неотъемлемый критерий поправок, исходя из обозначенного выше определения, видится в предназначении поправок. Оно состоит в том, чтобы модифицировать договор для всех его участников. Участие в соглашении о поправках всегда открыто для всех участников первоначального договора.

А. Н. Талалаев обоснованно обращал внимание на то, что, в отличие от поправок, изменение многостороннего договора означает заключение соглашения между двумя или несколькими участниками многостороннего договора с целью изменить некоторые его положения только между ними (*inter se*), без предоставления возможности другим участникам договора вступить в такое соглашение; формального изменения самого договора путем внесения в него поправок или пересмотра в таком случае не происходит.

По мнению советского исследователя, поправки — это внесение таких формальных дополнений и изменений в международный договор, которые никогда не ведут к его прекращению, что может иметь место при общем пересмотре международного договора и его новации. А. Н. Талалаев настаивал на необходимости различать поправки и пересмотр договора. Он полагал, что пересмотр (ревизия) международного договора — это особая, обычно более сложная процедура изменения его содержания.

Таким образом, советский ученый, помимо характера и предназначения поправок, отмечает дополнительный отличительный критерий — сохранение в силе первоначального международного договора: при заключении соглашения о поправках продолжает действовать договор, в который они вносятся.

По мнению А. Н. Талалаева, Венские конвенции не проводят различий между поправками и пересмотром, применяя термин «поправки» как включающий и пересмотр международного договора, подобному тому, как это имеет место в главе XVIII Устава ООН. Однако многие международные договоры различают эти два способа преобразования договоров, устанавливая разную процедуру: для поправок — более простую, для пересмотра — более сложную, осуществляемую на специально созываемых для этой цели международных конференциях.

Необходимо признать обоснованность вышеуказанных выводов с учетом практики применения института поправок к международным договорам. Вместе с тем отдельные выводы А. Н. Талалаева представляются достаточно спорными, например, утверждение, что поправки не связаны с коренным изменением содержания международного договора.

Признавая бесспорно важный вклад А. Н. Талалаева в разработку советских, а позднее и российских теоретических основ института поправок к международным договорам и права международных договоров в целом (А. Н. Талалаев — единственный автор научно-практического комментария к Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. на русском языке, включая статьи 39

и 40 Конвенции, которые представляют собой фундамент современного правового регулирования (внесения поправок), одновременно представляется возможным согласиться с мнением российского ученого И. И. Лукашука, который обращает внимание, что со времени издания проделанных в прошлом исследований в мировой политике, в праве международных договоров и соответствующем законодательстве государств произошли существенные перемены: сегодня мы имеем дело, по существу, с новым правом международных договоров, а изданные ранее работы были написаны в соответствии с требованиями, предъявлявшимися в Советском государстве к такого рода работам, что не могло не сказаться на их содержании.

ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ ООН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА: НОВАЯ ТРАКТОВКА

Грищенко А. А., Белорусское Общество Красного Креста

Миротворческая деятельность осуществляется в рамках специальных принципов: принципа согласия, принципа беспристрастности и принципа неприменения силы, за исключением случаев самообороны и защиты мандата миссии. Классическое содержание миротворческих принципов носило ограничительный характер, поскольку было направлено на защиту интересов суверенных государств. С развитием форм вооруженного конфликта поддержание международной безопасности стало более сложной задачей, успешное разрешение которой сейчас зависит, в том числе, от того, насколько эффективно используются миротворческие механизмы. После неудавшихся миротворческих миссий в Руанде, Сомали и Сребренице стало понятно, что классическое миротворчество располагает средствами, способными лишь отсрочить развитие конфликта, поскольку основополагающие принципы миротворчества не подразумевали активных действий миротворцев для установления мира.

С учетом актуальных влияний в сфере миротворческой деятельности (защита прав человека, поддержание международного мира) были проведены две реформы. Одна — на основании Доклада Брахими, который является результатом работы Группы ООН по операциям и поддержанию мира и был выпущен в 2000 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Вторая — на основании Доктрины Капстоун, изданной Департаментом ООН по проведению миротворческих операций в 2008 г. Доклад Брахими подтвердил важность изменения содержания специальных принципов миротворческих операций согласно накопленному опыту работы ООН. Доктрина Капстоун подтвердила и дала новую трактовку этому содержанию.

Изначально принцип беспристрастности заключался в формировании без оценочного отношения к сторонам конфликта для того, чтобы обеспечить равное отношение миротворцев ко всем сторонам конфликта и укрепить доверие сторон к миротворцам, а также позиционировать последних как нейтральных участников процесса мирного урегулирования. Теперь соблюдение принципа беспристрастности означает четкое выполнение международных принципов. Критерием беспристрастности считается способность миротворческого персонала соблюдать международное право и придерживаться четкого выполнения мандата для достижения миротворческих целей.